Любовь Ф е о к т и с т о в а (Екатеринбург) – Дмитрий С п и р и д о н о в (Екатеринбург)

РУССКИЙ *ИВАН* И ЕГО «БРАТЬЯ»: ПОЛЬСК. *JAN* И ФР. *JEAN* (К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКЕ ЛИЧНОГО ИМЕНИ)[1)]

RUSSIAN *IVAN* AND HIS "BROTHERS": POLISH *JAN* AND FRENCH *JEAN* (ON ETHNO-CULTURAL MEANING OF PERSONAL NAMES)
The article focuses on the Russian personal name *Ivan* in comparison with Polish *Jan* and French *Jean*. Based on an analysis of secondary appellative derivatives of these names in the Russian, Polish (including Kashubian) and French (including Occitan) dialects and colloquial languages, the authors reconstruct the ethno-cultural portraits of prototypical bearers of these names in corresponding languages. The analysis shows that the Russian Ivan, whose name often serves as a symbol of "russianess", has very few specific features as compared to his French and Polish "brothers". This conclusion leads to the question on ethnolinguistic mechanisms of derivation from personal names which, in the perspective of the contrastive study of deonyms, seem to be relatively universal.

Keywords
Russian, Polish, French, ethnolinguistics, deonyms, connotative semantics of proper names, anthroponymy, *Ivan*, *Jan*, *Jean*

1. Введение

В русской культурно-языковой традиции и за ее пределами имя *Иван* символизирует русского человека. Ср. устойчивое сочетание *русский Иван*, а также *иван* 'русский человек',[2)] польск. *iwan*, *wania*[3)] и т. п.; из менее тривиальных примеров – рус. *иван-чай*, первоначально *Ивань чай*, т. е. буквально «русский чай».[4)] Обращение к другим языкам, воспринявшим греко-латинскую традицию

[1)] Исследование выполнено при финансовой поддержке Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия) в рамках работы научной группы «Народная языковая традиция как источник историко-культурной информации». Авторы выражают благодарность И. В. Родионовой, любезно поделившейся собранными ею словарными материалами, а также Е. Л. Березович за неоценимую помощь в работе над статьей.

[2)] Е. С. Отин, Словарь коннотативных собственных имен, Донецк 2004, с. 181, 183.

[3)] M. Rutkowski, Słownik metafor i konotacji nazw własnych, Olsztyn 2012, с. 60.

[4)] М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка. Т. 2, Москва 1967, с. 114; Н. М. Шанский (ред.), Этимологический словарь русского языка. Т. 2. Вып. 7, Москва 1980, с. 5.

имянаречения, заставляет вспомнить «родных братьев» русского *Ивана* – ср. польск., чеш. *Jan*, фр. *Jean*, англ. *John*, нем. *Hans* и др., которые также восходят к др.-греч. Ἰωάννης. Насколько же в таком случае языковой образ носителя русского имени (как и родственных ему имен в других языках) является национально специфичным?

Чтобы это выяснить, мы попытались составить и сравнить между собой «словесные портреты» носителей трех имен – рус. *Иван*, польск. *Jan* и фр. *Jean* – на основе анализа их вторичных («апеллятивных») значений в «родных» для них языках (соответственно в русском, польском и французском).[5)] Выбор польского и французского имен обусловлен несколькими причинами (как объективными, так и субъективными): во-первых, близкое или отдаленное родство языков и общность лингво-культурных традиций, в рамках которых эти имена функционируют; во-вторых, отсутствие у них коннотации национальной принадлежности (что позволяет избежать предвзятости в атрибуции тех или иных черт языкового образа носителя русского имени как национально специфичных); в-третьих, сопоставимость по объему и сфере употребления имеющихся в нашем распоряжении языковых данных.

Обилие материала во всех трех языках, его структурное и семантическое разнообразие свидетельствуют об активном использовании сравниваемых имен в процессах вторичной номинации и их большом семантико-деривационном потенциале. Языковые единицы, возникшие путем семантической (семантико-словообразовательной) деривации на базе личных имен, а также фразеологизмы с их участием относятся к самым разным тематическим группам: «человек», «звери», «птицы», «рыбы», «насекомые», «растения», «грибы», «метеорология», «артефакты».[6)] В настоящей статье речь пойдет о тематической группе «человек» – это одна из наиболее обширных групп, которая представлена в гнездах

[5)] За рамками анализа остались апеллятивные производные «не родных» изучаемых антропонимов в других языках, типа польск. *iwan* ‘добродушный, наивный человек’, ‘злой, надоедливый человек, создающий хлопоты’ и др. (R. Kucharzyk, Słownictwo odantroponimiczne w gwarach polskich, Kraków 2010, с. 55, 123), *zaiwaniać* ‘тяжело работать; делать что-либо быстро, с усилием’, *zaiwanić* ‘украсть’ (M. Rutkowski, о. с. в сноске 1, с. 60). Следует также иметь в виду, что наряду с собственно польским и французским языками к анализу также привлекается кашубский язык, а также южнофранцузские (окситанские) диалекты. Для экономии места географические пометы везде, где это не существенно, опускаются.

[6)] См. об этом: Д. В. Спиридонов – Л. А. Феоктистова, К сопоставительному изучению семантических дериватов личного имени: рус. *Иван*, польск. *Jan*, фр. *Jean*. В: Е. Л. Березович (ред.), Этнолингвистика. Ономастика. Этимология, Екатеринбург 2012, с. 268–270.

всех трех имен. Она заслуживает отдельного рассмотрения не только в виду многочисленности ее составляющих: описывающая человека идеографическая сфера должна являться логически первой областью-«мишенью» для отантропонимической номинации и первым шагом на пути апеллятивизации личного имени.

Собранный материал распределяется по лексико-семантическим группам с учетом не только значения, но и мотивации языковых единиц: «внешний вид», «интеллектуальные способности», «черты характера и поведение» и т. п. – такой дифференцированный подход позволяет в конечном итоге составить обобщенный языковой образ носителей имени.[7)] Для того, чтобы при сравнении «портреты» носителей имен в разных культурно-языковых традициях не утратили «лица не общее выражение», далее они даются для каждого языка отдельно, в конце подводятся итоги и делаются выводы.

2. Рус. *Иван*

В языковом образе русского Ивана прослеживаются два мотива, описывающих его **внешний вид**. Один из них – мотив среднего роста, см.; *полтора́ ива́на* ‘о человеке очень высокого роста’,[8)] *два́ с полови́ной ива́на* ‘очень высокий человек’.[9)] Судя по внутренней форме фразеологизмов, носитель частотного имени воспринимается как обладатель тех или иных усредненных, являющихся нормативными показателей – в данном случае (среднего) роста.[10)]

[7)] Ставя перед собой целью выявление этнокультурного своеобразия ассоциативно-коннотативной семантики личных имен, мы исключили из анализа языковые факты, возникшие исключительно вследствие актуализации в семантике имени смыслового компонента ‘человек’ (например, *Иван* ‘именование ребенка мужского пола до крещения’ /З. В. Сметанина /ред./, Областной словарь вятских говоров. Вып. 4, Киров 2006, с. 211/), а также «фреймового» компонента – представлений о специфике употребления имени (например, *Дома-то Дёма, а в гостях Дементий* /Н. А. Ставшина /ред./, Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры. Вып. 1. Санкт-Петербург 2008, с. 221/). О модели описания семантики имени см.: М. В. Голомидова, Искусственная номинация в ономастике, Екатеринбург 1998, с. 16–28; о топосемантике: Е. Л. Березович, Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования, Москва 2007, с. 51–58; применительно к личному имени: Л. А. Феоктистова, Языковой образ и варьирование личного имени. В: Е. Л. Березович (ред.), Этнолингвистика. Ономастика. Этимология, Екатеринбург 2009, с. 268–270.

[8)] Ф. П. Сорокалетов и др. (ред.), Словарь русских народных говоров. Вып. 29, Санкт-Петербург 1995, с. 134; и др.

[9)] А. И. Федоров (ред.), Словарь русских говоров Сибири. Т. 1. Ч. 2, Новосибирск 1999, с. 20; Г. А. Садретдинова (ред.), Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья. Вып. 1, Томск 1992, с. 170.

[10)] Однако не исключено, что данные устойчивые сочетания возникли под влиянием

Второй мотив – мотив неопрятности, который может иметь разные истоки, будучи ассоциативно связанным с представлениями о типичном носителе имени – крестьянине, деревенском жителе – либо о дураке. См., с одной стороны, *ходи́ть как ва́ня-дура́ня* ‘о плохо (неопрятно, бедно) одетом человеке’; с другой – *как ва́ня* ‘о небрежно одетом человеке’[11] (если это не прецедентная номинация и не имя односельчанина), *как ва́нька из-под ло́дки* ‘о плохо (неопрятно, неаккуратно) одетом человеке’[12] (обстоятельство места употребляется здесь скорее с целью придания сравнительному обороту большей экспрессии, иначе *ванька* означает только ‘человек (мужчина)’).

Основная характеристика в отношении **интеллектуальной деятельности** – глупость, см.: *ва́нька* ‘о глупом человеке’,[13] а также паремии: «...что муж Григорий, хоть бы болван, да Иван»;[14] «Ростом с Ивана, а умом с болвана»; «Пошли Ивана, за Иваном болвана, за болваном еще дурака, так и сам иди туда!».[15] В основе подобных номинаций – образ известного фольклорного персонажа, ср.: *ива́н-дура́к* ‘о глуповатом, всегда улыбающемся человеке’;[16] *как ива́нушка-дурачо́к* ‘о глуповатом и беззаботном с виду, простодушном, наивно честном человеке’;[17] *ходи́ть как ва́ня-дура́ня* ‘о глуповатом, вызывающем презрение и смех человеке’;[18] *ва́нюшка-дура́нюшка* ‘дурак, глупец’.[19]

взглянуть (на кого) *ровно на Ивана Великого* ‘о долговязом, высоком и худощавом на вид человеке’, *выше Великого Ивана* ‘о человеке богатырского роста и сложения’ (В. М. Мокиенко – Т. Г. Никитина, Большой словарь русских народных сравнений, Москва 2008, с. 228; А. И. Федоров /ред./, Словарь русских говоров Сибири. Т. 1. Ч. 1, Новосибирск 1999, с. 215) и т. п., которые подразумевают сравнение не с человеческим ростом, а с высотой колокольни Ивана Великого в Кремле – самого высокого здания в России до начала XVIII в.

11) В. М. Мокиенко – Т. Г. Никитина, о. с. в сноске 10, с. 82.

12) Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета, Екатеринбург).

13) И. Б. Качинская, Имя собственное как нарицательная характеристика личности (по материалам архангельских говоров). В: Ономастика в кругу гуманитарных наук, Екатеринбург 2005, с. 85.

14) В. П. Тимофеев, Фразеология диалектной личности, Шадринск 2003, с. 91.

15) В. И. Даль, Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа. Т. 1, Санкт-Петербург 1997, с. 347, 358.

16) З. П. Здобнова (ред.), Словарь русских говоров Башкирии. Вып. 1, Уфа 1997, 159.

17) В. М. Мокиенко – Т. Г. Никитина, о. с. в сноске 10, с. 229.

18) В. М. Мокиенко – Т. Г. Никитина, о. с. в сноске 10, с. 89.

19) Б. А. Ларин и др. (ред.), Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 10, Санкт-Петербург 1994, с. 47.

С глупостью мотивационно коррелируют состояние опьянения (нетрезвость ума) – *ходи́ть как ва́ня-дура́ня* ‘о пьяном и потерявшем способность трезво рассуждать человеке’ – и легкомыслие – *(как) Ва́нька Ве́тров* ‘пустой, легкомысленный человек’,[20] которые также можно расценивать как разновидности (или проявления) интеллектуальной «неполноценности» человека.

Образ Ивана-дурака может трансформироваться и в несколько ином направлении – при смещении фокуса восприятия с оценки самой интеллектуальной деятельности на ее субъекта. См., в частности, *ва́нька-дура́к* ‘водящий в игре в прятки’,[21] появление которого абсолютно закономерно, учитывая что роль водящего достается проигравшему, т. е. тому, кто «остался в дураках». Фольклорному персонажу близок и «валяющий дурака» ряженый – см. *ива́нушка* ‘ряженый на святки’.[22]

В отношении **черт характера**, присущих, согласно языковым данным, носителю имени, целостного образа не получается: высокомерие, недоверчивость характеризуют двух непохожих друг на друга референтов имени. Взгляд с высоты своего роста (см. выше *полтора ивана* и т. п.) порождает высокомерие, см.: *из себя́ ива́на ко́рчить*, *ива́нить*, *ива́ниться* ‘важничать, превозносить себя’ и т. п. [23] Данные фразеологизмы и однословные номинации восходят в конечном счете к названию колокольни, а в рассматриваемый семантико-деривационный комплекс включены из предположения о возможной их аттракции к личному имени (реэтимологизации). С недоверчивостью ассоциируется образ Ваньки-ключника (из старинной песни «Ванька-ключник, злой разлучник, разлучил князя с женой»), см.: *ходить как Ванька-ключник* шутл. ‘о человеке, имеющем много ключей’, ‘о том, кто не доверяет, запирает все на замок, подозревая всех в воровстве’.[24]

---

[20] В. М. Мокиенко – Т. Г. Никитина, о. с. в сноске 10, с. 82. Относительно фамилии ср. литер. *ветер в голове, на уме, бросать слова на ветер*.

[21] Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета, Екатеринбург).

[22] А. С. Герд (ред.), Селигер: материалы по русской диалектологии: словарь. Вып. 2, Санкт-Петербург 2004, с. 170. Об устойчивости мотива глупости свидетельствуют также факты вторичной номинации типа *иван-дурак* (*иванушка-дурачок*, *ванька-дурачок*) ‘комнатное растение бальзамин султанский (*Impatiens sultanii Hook.*)’ (В. Г. Долгушев /ред./, Областной словарь вятских говоров. Вып. 2, Киров 1998, с. 18; и др.).

[23] А. И. Федоров (ред.), о. с. в сноске 10, с. 257; М. Ф. Дружинина, Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. Вып. 2, Якутск 2002, с. 97; и др.

[24] В. М. Мокиенко – Т. Г. Никитина, о. с. в сноске 10, с. 82.

Отдельно стоит сказать о моделях **речевого поведения**: все они так или иначе мотивированы образом Ивана-дурака и, соответственно, репрезентируют какое-либо «отклонение» от нормы: молчать или умалчивать (вместо того, чтобы говорить о чем-либо); шутить (вместо того, чтобы говорить серьезно); хвастать или врать (вместо того, чтобы говорить правду). В одних случаях имеется в виду природная молчаливость и необщительность дурака, которая на уровне номинации выражается через указание на «локус обитания», способствующий уединению, но не общению с людьми. См. (*молча́ть*, *не разгова́ривать*) *как Ива́н Запече́нин* ‘о постоянно молчащем человеке, упорном молчуне’;[25] *как запе́чный Ива́шка* ‘о нелюдимом, избегающем общества человеке’.[26] В других случаях речевая деятельность рассматривается как форма выражения определенной модели поведения – см. литер. *валя́ть дурака́*, *дура́читься* – и в этой форме идея «дуракаваляния» получает дальнейшее свое осмысление: ср. *ва́ньку валя́ть* ‘скрывать что-либо, умалчивать’,[27] *ива́ниться* ‘баловаться, грубо шутить’[28] (значение могло возникнуть при аттракции к личному имени глагола, производного от названия колокольни, см. выше), а также *заива́нивать* ‘сочинять, врать’.[29] См., кроме того, *ва́нька се́льский* ‘хвастун’;[30] *ва́ня-изгоро́да* ‘о том, кто не говорит правды’.[31]

Физическая активность/пассивность. Ванька-встанька[32] подвижен, Иван-дурак медлителен и неповоротлив. Ср., с одной стороны, *как ва́нька-вста́нька* ‘о непоседливом, подвижном человеке’; *встава́ть как ва́нька-вста́нька* и под. ‘о человеке, энергично, упорно и постоянно подымающемся на ноги (после падения, ударов и т. п.)’;[33] с другой – *ва́ня за́дний* ‘медлительный, отстающий человек’ («Вот Ваня-то задний! Как ни гляну на тебя, всё сзади плетешься»).[34]

---

[25] В. М. Мокиенко – Т. Г. Никитина, о. с. в сноске 10, с. 228.
[26] Н. А. Ставшина (ред.), о. с. в сноске 7, с. 308.
[27] В. П. Строгова (ред.), Новгородский областной словарь. Вып. 1, Новгород 1992, с. 107.
[28] М. Ф. Дружинина, о. с. в сноске 23, с. 97.
[29] А. И. Иванова (ред.), Словарь смоленских говоров. Вып. 4, Смоленск 1985, с. 68.
[30] Н. А. Ставшина (ред.), о. с. в сноске 7, с. 120.
[31] Ф. П. Филин (ред.), Словарь русских народных говоров. Вып. 12, Ленинград 1977, с. 121. Отсутствие в источнике примеров-иллюстраций не позволяет однозначно утверждать, что вторая номинация не является прозвищем.
[32] Русская народная игрушка в виде мужской куклы со смещенным центром тяжести, благодаря чему она постоянно подымается на ноги при попытках ее свалить.
[33] В. М. Мокиенко – Т. Г. Никитина, о. с. в сноске 10, с. 82.
[34] А. Н. Борисова – К. Н. Прокошева (ред.), Словарь пермских говоров. Т. 1, Пермь 2000, с. 77.

Отношение к труду. Образы Ивана-дурака и Ваньки Ветрова объединяет мотив лени и праздности. Иван-дурак, в соответствии с фольклорной традицией, предстает лежащим на печи: *лежа́ть как Ива́нушка на печи́* ‘о ленивом, праздно лежащем в тепле и сытости человеке’ и т. п.[35)] В отличие от Ивана-дурака, ничегонеделание Ваньки Ветрова заключается не в лежании на печи, а, сообразно его «говорящей» фамилии, в праздношатании: *Ва́нька Ве́тров* ‘праздношатающийся человек, бездельник’;[36)] *ходи́ть как Ва́нька Ве́тров* ‘о праздном, пустом, легкомысленном человеке’.[37)]

Род занятий, материальное положение, место жительства. О роде занятий типичных носителей имени – извозчик, крестьянин – можно с уверенностью говорить только применительно к устар. *ва́нька* ‘легковой извозчик на плохонькой лошаденке и с плохой упряжкой, преимущественно крестьянин, приезжавший в город на заработки’,[38)] фразеологизму *что конёк, то ванёк* – ‘при каждой подводе находится человек’,[39)] отчасти также *ва́нька с трудодня́ми* ‘трудолюбивый колхозник с хорошим заработком’,[40)] которое все-таки больше акцентирует внимание на простонародности имени (примечательна и его диминутивная форма, ср. выше *ва́нька се́льский*).

Единственное в имеющемся языковом материале возможное свидетельство материального положения – крестьянской бедности – глагол *проива́ньковать* ‘жить в нужде’,[41)] которое, на наш взгляд, предпочтительнее образовывать не напрямую от личного имени, а от соотносящегося с ним хрононима, ср.: *Иван Постный* (*-ой*), *Иванов день Постной* и под. ‘день усекновения главы Иоанна Крестителя, 29 августа / 11 сентября’.[42)] Этим днем заканчивалась неделя строгого поста 22–29 августа, твер. *Иванова неделя*,[43)] поэтому олицетворение в образе

[35)] В. М. Мокиенко – Т. Г. Никитина, о. с. в сноске 10, с. 229.
[36)] А. Н. Борисова – К. Н. Прокошева (ред.), о. с. в сноске 34, с. 77.
[37)] Э. С. Большакова (ред.), Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. Вып. 1, Саранск 1976, с. 60.
[38)] В. И. Чернышев (ред.), Словарь современного русского литературного языка. Т. 2, Москва 1951, с. 48.
[39)] Н. М. Малеча, Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Вып. 1, Оренбург 2002, с. 194.
[40)] В. М. Мокиенко – Т. Г. Никитина, Словарь псковских пословиц и поговорок, Санкт-Петербург 2001, с. 19.
[41)] Ф. П. Сорокалетов и др. (ред.), Словарь русских народных говоров. Вып. 32, Санкт-Петербург 1998, с. 144.
[42)] О. В. Атрошенко – Ю. А. Кривощапова – К. В. Осипова, Русский народный календарь: этнолингвистический словарь, Москва 2015, с. 174, 181.
[43)] Ф. П. Филин (ред.), о. с. в сноске 31, с. 55.

Ивана Постного (Тощего) голода и бедности вполне закономерно. Ср.: «В брюхе Иван Постный да Марья Икотишна»;[44] «В одном кармане Иван Тощий (Постный), в другом – Марья Леготишна»;[45] «С Ивана Постного в кармане скоромная копейка шевелится».[46]

Указание на место жительства – село, деревня – в том или ином виде содержится в целом ряде устойчивых сочетаний. Оно может быть выражено напрямую – с помощью относительного прилагательного (*ва́нька се́льский*), но чаще присутствует на уровне коннотации в предметной лексике, обозначающей реалии сельской жизни: печь (*как запе́чный Ива́шка*, *лежать как Иванушка на печи* и под.), лапоть (*брести /плестись/ как ивашкин лапоть*), трудодни (*ва́нька с трудоднями*).

Таким образом, ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика имени складывается на основе известных образов фольклорной традиции. Вместе взятые, они составляют своего рода портретную галерею носителей имени – реальных исторических личностей (Ванька Каин), вымышленных персонажей (Иван-дурак, Ванька-ключник, Ванька Ветров), а также антропоморфных артефактов (колокольня московского Кремля «Иван Великий», народная игрушка «ванька-встанька»). Ведущая роль в формировании коннотативного фона личного имени, безусловно, принадлежит Ивану-дураку. Это выражается не только в суммарном количестве однозначно прецедентных номинаций, но и в их тематическом разнообразии – интеллектуальные способности (глупость), речевое поведение (молчаливость), отношение к труду (лень, праздность), род занятий (крестьянин) и место жительства (деревня).

3. Польск. *Jan*

Внешний вид. Мотив высокого роста репрезентирует: *długi jan* ‘олицетворение общеизвестной бедности в период до нового сбора урожая (изображается как высокий, худой мужчина, который ходит по избам и просит еду)’.[47] Для него предлагается несколько объяснений: а) атрибутив может быть мотивирован внешним обликом ряженого; б) на канун Рождества св. Иоанна Крестителя приходится самый длинный день в году;[48] в) период до нового сбора урожая (przednówek) приходится на ту часть года, когда день становится все более

---

[44] И. А. Подюков, Народная фразеология в зеркале народной культуры, Пермь 1991, с. 112.
[45] В. И. Даль, о. с. в сноске 15, с. 73.
[46] О. В. Атрошенко – Ю. А. Кривощапова – К. В. Осипова, о. с. в сноске 42, с. 175.
[47] B. Sychta, Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. T. 1, Wrocław 1967, c. 219.
[48] См.: E. Popławski, Frazemy z biblijnymi nazwami osobowymi w gwarach polskich, Kraków 2014, c. 89.

длинным.[49] Однако наличие поговорки *ten je tak długi jak na święty Jan dzień*[50] склоняет в пользу версии происхождения от хрононима, обозначающего день памяти святого.

Другой мотив, описывающий внешность Яна, – неопрятность, см.: *janus* ‘неряшливый (неопрятный) человек’, а также *zasmolony jan* ‘грязный человек’, *zamazany jaś* ‘грязный ребенок’.[51] Хотя в двух последних случаях мотив этот не столь очевиден, поскольку здесь намек на неопрятность содержится в значении атрибутива (имя в подобных атрибутивных сочетаниях обозначает прежде всего человека как такового). Столь ж не очевиден и мотив бледного («зеленого») цвета лица, см.: *zielony jaś* ‘человек с бледным лицом’[52], *jasiu zielony* ‘физически слабый человек’.[53]

Интеллектуальные способности. «Двойником» русского Ивана-дурака является *głupi Jaś*, см.: *głupi Jaś* ‘иванушка-дурачок’;[54] *głupi jan*, *głupi jaś* ‘глупый человек’,[55] *jaś* ‘то же’.[56] С целью создания большей экспрессии имя (в разных падежных формах) используется также в сочетании с вульгаризмом *dupa* ‘зад, ягодицы’: *dupa Jasiu* ‘негативно, пренебрежительно о чьем-либо ответе’;[57] междометие *dupa Jasia* (*dupa Jasiu*, *dupa Jaś*) ‘выражение, используемое для эмоционального подчеркивания’ («Dupa Jasia, to sie tak nie robi, dawáj ci tu pokázym!»).[58] Внешнее проявление скудоумия – босоногость: *bosy jan* ‘глуповатый, лишенный рассудка, как босой обуви’.[59]

---

[49] R. Kucharzyk, o. c. в сноске 5, с. 130; E. Popławski, o. c. в сноске 48, с. 89.
[50] B. Sychta, o. c. в сноске 47, с. 79.
[51] A. Zaręba, Pisma polonistyczne i slawistyczne, Warszawa 1983, с. 449–450; зд. и далее цит. по: R. Kucharzyk, o. c. в сноске 5.
[52] R. Kucharzyk, o. c. в сноске 5, с. 51.
[53] A. Zaręba, o. c. в сноске 51, с. 450.
[54] К. Гюлумянц, Польско-русский фразеологический словарь. Т. 1, Минск 2004, с. 493.
[55] A. Zaręba, o. c. в сноске 51, с. 450.
[56] R. Kucharzyk, o. c. в сноске 5, с. 58.
[57] A. Kłosińska – E. Sobol – A. Stankiewicz, Wielki słownik frazeologiczny PWN s przysłowiami, Warszawa 2005, с. 86.
[58] J. Kąś, Słownik gwary orawskiej, Kraków 2003, с. 158.
[59] B. Sychta, o. c. в сноске 47, с. 60. Об устойчивости мотива глупости свидетельствуют также факты вторичной номинации типа *głupi jaś* ‘плющ’, ‘традесканция (Tradescantia)’ (J. Kąś, o. c. в сноске 58, с. 158, 204) и т. п.; разг. ‘инъекция одурманивающих или обезболивающих веществ’ (A. Kłosińska – E. Sobol – A. Stankiewicz, o. c. в сноске 57, с. 120).

Черты характера: веселость – *śmieszny jaś* ‘веселый, смешливый человек’[60] – и флегматизм – *jasiek* ‘неразговорчивый и флегматичный человек’,[61] *dupa jasiu* ‘иронично о флегматичном человеке, не умеющем ничего сделать самостоятельно’[62] (о двух последних номинациях см. также ниже). Однако и то и другое соотносится с представлениями о возможных вариантах поведения глупого человека (см. выше *głupi Jaś*, *dupa Jasiu* и пр.): это может быть как беспричинный смех (ср. рус. диал. *ива́ниться* ‘баловаться, грубо шутить’), так и душевная невозмутимость.

В отличие от русского языка, в польском представлена только одна модель **речевого поведения** – см. выше *jasiek* ‘неразговорчивый и флегматичный человек’.

В целом ряде устойчивых выражений интеллектуальная неполноценность сочетается с **физической пассивностью**, неловкостью и неуклюжестью человека. Это, в частности, пейоративы *dupa jan* ‘неуклюжий человек; растяпа, тюфяк’,[63] *dupa jaś* ‘растяпа, тюфяк’,[64] *dupa jasiu* ‘иронично о флегматичном человеке, не умеющем ничего сделать самостоятельно’.[65] Сюда же, очевидно, следует отнести *jan*, *janek*, *jaś* ‘непредприимчивый человек’.[66] Основой для номинации неуклюжего человека служат также сравнение с негнущейся и неподвижной соломой (чучелом из соломы) – см. *słomiany jaś*, *słomiany jasiu*, *jasiu słomiany* – и представления о возможных последствиях его действий – *mazany jasiu* ‘растяпа’. С данным атрибутивным сочетанием мотивационно как будто бы коррелирует *jasiu zielone ucho* ‘растяпа’. С другой стороны, последнее может быть обозначением физически слабого человека, с бледным («зеленым») цветом лица (кожи) – ср. *jasiu zielony* ‘физически слабый человек’, *zielony jaś* ‘человек с бледным лицом’.[67]

Род занятий, материальное положение, место жительства. Мотив бедности прослеживается в семантике *długi jan* ‘олицетворение общеизвестной бедности в период до нового сбора урожая (изображается как высокий, худой мужчина, который ходит по избам и просит еду)’.[68] На место жительства – горы

---

[60] R. Kucharzyk, o. c. в сноске 5, c. 62.
[61] A. Zaręba, o. c. в сноске 51, c. 449.
[62] J. Kąś, o. c. в сноске 58, c. 158.
[63] J. Okoniowa et al. (red.). Słownik gwar polskich, t. 6, Kraków 2001, c. 465.
[64] J. Kąś, o. c. в сноске 58, c. 158; A. Zaręba, o. c. в сноске 51, c. 450.
[65] J. Kąś, o. c. в сноске 58, c. 158.
[66] A. Zaręba, o. c. в сноске 51, c. 449.
[67] A. Zaręba, o. c. в сноске 51, c. 450; R. Kucharzyk, o. c. в сноске 5, c. 51.
[68] B. Sychta, o. c. в сноске 47, c. 219.

– указывает атрибутив в сочетании *jasiek góralski* ‘житель гор’,[69] но по одному этому примеру трудно судить о наличии данного мотива в образной семантике самого имени (строго говоря, в приведенном примере оно может обозначать человека как такового). В то же время *głupi Jaś* имеет другую «географическую» привязку, см., например: «...idiotyzm jednak uwidocznia się w sposób oczywisty. Kiedy spotyka się *wioskowego* „głupiego Jasia”, to widać to na pierwszy rzut oka»;[70] ср. также устойчивое сочетание *wioskowy głupiec* (*głupek*).

В целом можно сказать, что образ Яна разнопланов, но достаточно целостен. Основные его мотивы – глупость и неуклюжесть, с которыми органично сочетаются неопрятность и флегматичность. Все они представлены также и однословными номинациями, что подтверждает наличие указанных коннотаций непосредственно в семантике имени.

4. Фр. *Jean*

В языковом образе Жана черты **физического облика** проявлены относительно слабо. С одной стороны, его характеризуют низкий рост, ср. *Jean-bout--d’homme* <Жан-кусок-человека> ‘карлик, коротышка’.[71] С другой стороны, Жан предстает большим, крепким человеком в номинациях *Gros-Jean* ‘большой, неповоротливый человек’, *Janquèu* ‘увалень’.[72] Оба мотива фиксируют отклонение от нормы, ту или иную ущербность, при этом, вероятно, оба производны от других, более ярко проявляющихся мотивов: первый коррелирует с мотивом глупости, умственной отсталости, тогда как второй – с социальной характеристикой Жана (см. ниже).

Интеллектуальные способности. Жан – это прежде всего глупый, недалекий, наивный человек, ср. *Jean*, *Jeannot*, *Jhannet*, *Janicot*, *Jeanjean* и др. ‘дурак, простофиля’;[73] *Jan-coucounié* <Жан-простофиля>, *Jan-counoulhado* <Жан-веретено>, *Jan-flahuto* <Жан-флейта>, *Jan-locho* <Жан-дурак> ‘дурак, простофиля’;[74] устар. разг. *faire le Jean Lorgne* <строить из себя косого Жана> ‘прикидываться простаком’,[75] *battre Jannot* <бить Жанно> ‘нести вздор, говорить глупости’.[76]

---

[69] R. Kucharzyk, o. c. в сноске 5, с. 44.
[70] К. Гюлумянц, о. с. в сноске 54, с. 493; курсив наш. – Д. С., Л. Ф.
[71] A.-J. Verrier – R. Onillon, Glossaire étymologique et historique des patois et des parlers de l’Anjou. Vol. 2. Angers 1908, с. 552.
[72] A. Peterson, Le passage populaire des noms propres à l’état des noms communs dans les langues romanes et particulièrement en français, Uppsala 1929, с. 62.
[73] Эти и другие данные см.: A. Peterson, o. c. в сноске 72, с. 65–67, 75–76.
[74] F. Mistral, Lou Trésor dou Félibrige ou Dictionnaire provençal-français. Vol. 2, Raphèle--lès-Arles 1979, с. 152.
[75] É. Littré, Dictionnaire de la langue française (1873–1878). URL: http://www.littre.org.

Отсутствие ума может по-разному преломляться: например, *dzano de las boboraunas* <Жан-мечтатель> ‘человек со странными, экстравагантными идеями, мечтатель’ и *dzan d’auriol* <Жан-иволга> ‘легкомысленный, слабоумный человек’,[77] *Jean-foutre* <Жан-побить> ‘чудак, странный, неуравновешенный человек’,[78] *Jan-filho* <Жан-сынуля> ‘большой ребенок мужского пола, все еще (не по возрасту) носящий юбку’[79] (намек на умственную отсталость).

Жан – это еще и тот, кого легко обмануть и кто, в силу этого, может стать объектом насмешек: *Jan-de-rideto* <Жан, над которым смеются> ‘недалекий человек, которого легко обмануть’.[80] Этот мотив находит выражение в образе обманутого мужа, см.: устар. разг., диал. *Jean*, *Jeannin*, *Jeannette*, *Jeanjean*, *Jeansucre* <Жан-сахар>,[81] *Jean-cul* <Жан-задница> ‘рогоносец, обманутый муж’,[82] *Jhean-jheudi* <Жан-четверг> ‘обманутый муж’,[83] *Jan-trouno* <гремящий Жан> ‘муж, закрывающий глаза на неверность жены, простофиля’.[84] Этот мотив составляет одну из специфических и наиболее ярких черт французского Жана.

Жан наделяется самыми разными **чертами характера**. Одни из них мотивированы базовым признаком глупости, которая проявляется в виде нерешительности, суетливости и т п., ср.: *Jean qui revient* <Жан, который возвращается> ‘о том, кто меняет свое решение, не может его принять’,[85] *Jan-l’emprés* <озабоченный Жан> ‘человек суетливый’, *Jan-que-sa(u)p-tout* <Жан, который все знает> ‘человек, который делает вид, что все знает, всезнайка’.[86] Другие номинации такого рода, напрямую не связанные с признаком глупости отношениями мотивации, выдвигают на первый план отрицательные черты характера:

---

[76] L. Guillemaut, Dictionnaire... des mots patois et des expressions du langage populaire les plus usités dans la Bresse Louhannaise (Arr’ de Louhans, Saône-et-Loire) et une partie de la Bourgogne, Louhans 1902, с. 174.
[77] N. Béronie, Dictionnaire du patois du Bas-Limousin (Corrèze), et plus particulièrement des environs de Tulle, Tulle 1823, с. 68; F. Mistral, о. с. в сноске 74, с. 152.
[78] E. Duméril – A. Duméril, Dictionnaire du patois normand, Caen 1849, с. 139.
[79] F. Mistral, о. с. в сноске 74, с. 152.
[80] F. Mistral, о. с. в сноске 74, с. 152.
[81] В силу фонетической близости существительное *sucre* ‘сахар’ служит в таких сочетаниях эвфемистической заменой глаголу *foutre* ‘побить, влепить’ (см.: F. Mistral, о. с. в сноске 74, с. 933).
[82] É. Littré, о. с. в сноске 75; F. Mistral, о. с. в сноске 74, с. 152; A.-J. Verrier – R. Onillon, о. с. в сноске 71, с. 499; A. Delboulle, Glossaire de la vallée d’Yères, Havre 1876, с. 196; L. Favre, Glossaire du Poitou de la Saintonge & de l’Aunis, Niort 1868, с. 200.
[83] P. Jônain, Dictionnaire du patois saintongeais, Niort 1869, с. 232.
[84] F. Mistral, о. с. в сноске 74, с. 153.
[85] L. Guillemaut, о. с. в сноске 76, с. 174.
[86] F. Mistral, о. с. в сноске 74, с. 152–153.

устар. разг. *Jean foutre* ‘подлец, бесчестный, непорядочный человек’ (т. е. заслуживающий, чтобы его побили), устар. разг. *Jeanfesse* <Жан-ягодица> ‘непорядочный человек’;[87] *Jan-caspi* ‘подлец’ (*caspi* – междометие, выражающее удивление), *Jan-quatre* <Жан-четыре>, *Jan-sucre* ‘шалопай, хулиган’, пров. *Jan--mau-m’agrado* <Жан, который мне не нравится> ‘неприятный, угрюмый, хмурый человек’.[88]

Для Жана характерна лишь одна модель **речевого поведения**, причем очень локальная, представленная бургундским *St-Jean-Bouche-d’Or* <св. Иоанн-Златоуст> ‘о болтливом человеке, который не умеет хранить секреты’.[89] Литературный язык использует эту же номинацию для именования красноречивого, хорошо говорящего человека – признак, мотивированный образом Иоанна-Златоуста. Однако приведенное бургундское выражение иронически переосмысливает эту черту и надевает «маску» библейского персонажа на народного глупца Жана, наделяя его тем же, в сущности, свойством, но в его отрицательном проявлении.

Физическая активность / пассивность. Глупость также выражается в медлительности, пассивности, неуклюжести, ср.: *Jean* ‘человек слабый, без энергии, наивный’,[90] *Jan-d’Oulando* <голландский Жан> ‘человек беспечный, флегматичный, вялый, апатичный’, *Jan-recuelo* <отступающий Жан> ‘медлительный, неповоротливый, нерешительный человек’, *Jan-sens-biais*, *Jan-biaisso* <неловкий Жан> ‘неловкий человек’,[91] *yan-trangle* ‘нескладный человек’ (*trangou*, *tranguet* ‘разновидность танца’),[92] *Jean des vignes* <Жан из виноградника> ‘дурак, неуклюжий человек’.[93]

В **отношении к труду** образ Жана противоречив. С одной стороны, ему свойственна праздность, с другой – стремление вмешиваться во все дела, прикладывать усилия, занимаясь ненужными. бесполезными делами. Ср.: *Jan-figo*, *Jan-di-figo* <Жан-фига>[94] ‘бездельник’,[95] *Dzan do lezer* <Жан-бездельник>

---

[87] A. Delvau, Dictionnaire de la langue verte, Paris 1883, c. 242.
[88] F. Mistral, o. c. в сноске 74, c. 153.
[89] L. Guillemaut, o. c. в сноске 76, c. 174.
[90] L. Guillemaut, o. c. в сноске 76, c. 174.
[91] F. Mistral, o. c. в сноске 74, c. 152–153.
[92] A. Peterson, o. c. в сноске 72, c. 62.
[93] É. Littré, o. c. в сноске 75.
[94] Существительное *figo* ‘фига’ в провансальском используется также для обозначения кончика носа и в идиоматических выражениях сближается по своему употреблению с рус. *ни фига, ни шиша*. Ср. *de figo pèr toun nas* <фигу / кончик для своего носа> ‘ни шиша (не получишь)’ (F. Mistral, Lou Trésor dou Félibrige ou Dictionnaire provençal-français. Vol. 1, Raphèle-lès-Arles 1979, c. 1131).

‘о человеке, который ничем не занят или занимается бесполезными делами’, *Dzan do tou me me-ile* <Жан, который во всё вмешивается> ‘о человеке, который во всё вмешивается, постоянно имеет озабоченный вид’,[96] *Jean-Potaige* <Жан-похлебка> ‘о человеке, который во всё вмешивается’.[97] Этот же мотив безрезультативной, пустой деятельности проявляется в *Jan-trepasso* <чрезмерный Жан> ‘о человеке активном, но все время попадающем мимо цели’.[98]

Специфически французской особенностью образа Жана является его склонность выполнять женскую работу. Номинации с этим значением преимущественно встречаются в диалектах юга Франции: *dzan counoulliado* <Жан-веретено>, *dzan forino* <Жан-мука> ‘о мужчинах, которые вместо тяжелой мужской работы, занимаются женскими делами’, *Jan-fremo*, *Jan-fremeto* <Жан-женщина> ‘то же’, *Jan-sausso* <Жан-соус> ‘о мужчине, который вмешивается в процесс приготовления еды’.[99] Выполнение женских обязанностей является вариацией основного мотива уклонения от работы, бесполезной, бесплодной деятельности.

Род занятий, материальное положение, место жительства. Типичный Жан – крестьянин, сельский житель. Ср.: устар. разг. *Jean guètré* <Жан в гетрах> ‘крестьянин’,[100] *Jean Deschamps* <Жан с полей> ‘крестьянин’,[101] *Jantout* ‘название крестьян в Руэрге’.[102] В этом же значении употреблялись сочетания *Jean-Villain* <Жан-виллан>, *Gros-Jean* <большой Жан>, *Jean-Bonhomme* <добродушный Жан>, ср. также *Jean-Raisin* <Жан-виноград> ‘виноградарь’.[103] На юге зафиксировано *Jan-fai-tout* <Жан-сделай-всё> как синоним пров. *touto-obro* ‘крестьянин на ферме, занимающийся любой работой, работник на подхвате’.[104] Крестьянское «происхождение» Жана порождает вторичное устар. жарг. *Jean-jean* ‘рекрут’[105] (рекрутов набирали из крестьян). Ср. также выражение *redevenir Gros-Jean comme devant* <вновь стать большим Жаном, как прежде> ‘о

---

95) F. Mistral, o. c. в сноске 74, c. 152.
96) N. Béronie, o. c. в сноске 77, c. 68.
97) G. Dottin, Glossaire des parlers du Bas-Maine (département de la Mayenne), Paris 1899, c. 262.
98) F. Mistral, o. c. в сноске 74, c. 153.
99) N. Béronie, o. c. в сноске 77, c. 68; F. Mistral, o. c. в сноске 74, c. 153.
100) H. France, Dictionnaire de la langue verte, archaïsmes, neologismes, locutions étrangeres, patois, Paris 1907, c. 184.
101) G. Dottin, o. c. в сноске 97, c. 262.
102) F. Mistral, o. c. в сноске 74, c. 153.
103) A. Peterson, o. c. в сноске 72, c. 40.
104) F. Mistral, o. c. в сноске 74, c. 153, 1018.
105) H. France, o. c. в сноске 74, c. 184.

человеке, которому однажды улыбнулась удача, но который вернулся к исходному (социальному) состоянию’.[106)]

В зеркале языка Жан также предстает нищим: устар. разг. *Jean-misère* <Жан-нищета> ‘бедняк, пролетарий’,[107)] *Jan barrulo* <Жан-бродяга> ‘бродяга’.[108)] Хотя этот мотив вторичен и выражается, как видно из примеров, в атрибутивных компонентах номинаций.

Итак, основной чертой языкового образа Жана является глупость, причем в глупом свете зачастую предстает обманутый муж. С мотивом глупости коррелируют неловкость и нерешительность, праздность и склонность к бесплодной деятельности или выполнению нетяжелой («женской») работы. Отрицательное отношение к тем или иным формам девиантного поведения Жана выливается в общую негативную оценку и оценку его деятельности как асоциальной. Помимо этого, в образе Жана ярко проявлена социальная характеристика – крестьянское происхождение.

5. Выводы

Сравнение приведенных данных позволяет заключить, что образ русского Ивана не так уж сильно отличается от образа польского Яна или французского Жана. Эти образы «выкраиваются» примерно по одним и тем же «лекалам»: внешность, интеллект, черты характера, речевое поведение, физическая активность, отношение к труду, род занятий и связанные с ним место жительства и материальное положение. Во всех трех случаях ведущим мотивом является глупость, которая в сравниваемых языках обнаруживает различные, коррелирующие с ней мотивы. Среди них есть и общие: крестьянское происхождение и бедность, неопрятность (в русском и польском), неловкость, неуклюжесть (в польском и французском), медлительность (в русском и французском), обман (русский Иван – обманщик, французский Жан – обманутый /муж/). Чем же можно объяснить тот факт, что в трех имеющих как общие, так и различающиеся черты лингво-культурных традициях ассоциативная семантика имени развивается сходным образом? Сущность этого явления, по всей видимости, заключается в этноязыковой универсальности тех мотивов, которые в принципе могут лечь в основу отантропонимической номинации.[109)]

[106)] É. Littré, o. c. в сноске 75.
[107)] H. France, o. c. в сноске 74, с. 184.
[108)] F. Mistral, o. c. в сноске 74, с. 153.
[109)] На эту особенность ранее обратила внимание И. В. Родионова, анализировавшая русские отантропонимические номинации, обозначающие черты характера или поведения человека. По ее мнению, образуемое подобными номинациями семантико-мотивационное поле «носит в определенной степени направленный характер,

Специфически «русскими» являются мотивы, связанные не с Иваном-дураком, а с другими референтами имени: высокомерие (колокольня «Иван Великий»), недоверчивость (Ванька-ключник), подвижность (народная игрушка «ванька-встанька»), извозчичья «профессия» («ванька»). Своеобразие польского Яна, если не принимать во внимание не часто встречающиеся мотивы (бледность, веселость, флегматизм и горы как место жительства), будет, вероятно, заключаться во всем комплексе приписываемых ему характеристик, одни из которых сближают его с образом русского Ивана (неопрятность, молчаливость), а другие – с образом французского Жана (неуклюжесть). Что касается последнего, то яркость и неповторимость его образу придают звание рогоносца, склонность к «женской» работе, а также недостойное («непорядочное») поведение.

Если в целом говорить о мотивации рассматриваемых деонимов (как, впрочем, и других), то можно выделить два ее типа: 1) внеязыковая, отсылающая к какому-либо «прецеденту» (в данном случае, помимо реальных носителей имени, это персонажи фольклора и библейской традиции); 2) системно-языковая, при которой учитывается семантика антропонима как такового («невоплощенного» имени) и возможные механизмы ее трансформаций.[110)] Указанные два типа мотивации строго не противопоставлены друг другу: системно-языковая, как правило, обеспечивает дополнительную смысловую поддержку внеязыковой. Так, языковой образ русского «иванушки-дурачка» не только наследует отдельные черты фольклорного, но и вбирает в себя другие характеристики, которые как будто бы «выводятся» из семантики интеллектуальной неполноценности, но относятся к иным сторонам человеческой натуры

подчинено принципу семантико-идеографической заданности». «Суть этого принципа в том, что наибольшую вероятность быть обозначенным посредством отантропонимической лексемы имеет носитель негативных качеств характера — причем в первую очередь таких, как глупость, неспособность к труду, медлительность, неряшливость (как показывает материал, эти характеристики могут тесно коррелировать в сознании номинатора); также высоки шансы получить обозначение данного типа у хвастуна, обманщика и человека, не пользующегося уважением в обществе. Перечисленные качества могут считаться своего рода “аксиологической доминантой”, обладающей в языковой картине мира номинатора наибольшей релевантностью антропонимическому коду» (И. В. Родионова, Характерологические номинации антропонимического происхождения в русских народных говорах, Русский язык в научном освещении 2 /10/, 2005, с. 180).

110) О языковых способах образования омонимичного по отношению к имени собственному апеллятива см.: Д. В. Спиридонов, К этнолингвистической характеристике имени Жак во французских диалектах, Вопросы ономастики 1 (10), 2011, с. 36–50.

и жизнедеятельности — способность к коммуникации, двигательная активность, отношение к труду. Вместе с тем появление перечисленных значений может быть объяснено и действием системно-языкового фактора.

Список сокращений

В названиях языков
англ. – английский язык
др.-греч. – древнегреческий язык
польск. – польский язык
пров. – провансальский диалект
рус. – русский язык
фр. – французский язык
чеш. – чешский язык

Прочие
диал. – диалектное
литер. – литературное
разг. – разговорное
устар. – устаревшее

lfeoktistova@mail.ru
dspiridonov@mail.ru
Department of Russian Language and General Linguistics
Ural Federal University
51, Lenin av., office 306,
620083 Ekaterinburg
RUSSIA